

УДК-316.7:930

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-1-80-88

«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» КАК МОДЕЛЬ ТРАНСФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ С ПАМЯТЬЮ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ В 1990-Е ГОДЫ

Н. Н. Самсонова

Самсонова Наталья Николаевна, кандидат политических наук, младший научный сотрудник лаборатории трансдисциплинарных исследований познания, языка и социальных практик философского факультета, Томский государственный университет; ассистент кафедры государственной политики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: natalie.samsonova@gmail.com (ORCID: 0000-0002-2716-8490).

Аннотация

Рассматриваются особенности концептуализации понятия «культура отмены» как модели трансформации исторической идентичности, исследуются последствия «отмены» для цивилизационных сообществ как субъектов коллективной памяти и коллективного забвения на примере обращения с памятью об СССР после демонтажа советской государственности в период с 1991 по 2000 г. Отмечается политизированный и инструментальный характер практик отмены: инициатором отмены выступила новая политическая элита, использующая стратегию вытеснения альтернативы из поля общественного внимания. Устанавливается, что социально-онтологическими основаниями использования практик отмены выступили политico-идеологические сдвиги, затронувшие в том числе и поле исторической памяти, как основания для выстраивания нового мифа идентичности. Преимущественно практики работы с исторической памятью о советском прошлом в 1990-е годы сводились к использованию стратегий умолчания и дискредитации. К числу механизмов отмены, использованных в данный период, относятся инструментализация процесса реабилитации жертв политических репрессий, направленная на экстраполяцию категории вины с фигур исторических деятелей на советский режим в целом, формирование негативного имиджа оппонента (коммунистической партии), символическая политика (отстранение от практик советского периода). Полноценная проработка советского прошлого, в том числе его травматических страниц, способная привести к формированию устойчивых альтернативах нарративов, не была реализована, оставив открытой возможность подмены подлинных страниц истории эрзац-репрезентациями. Использование забвения как направленной культурной стратегии усугубило эрозию коллективной идентичности, создав риски дезадаптации социального субъекта.

Ключевые слова: «культура отмены»; коллективная память; историческая идентичность; общество травмы.

В последнее десятилетие тематический спектр изучения феномена «культуры отмены» становится все шире, открывая возможности для новых междисциплинарных исследований. Одной из динамично развивающихся предметных областей, уделяющих внимание данной проблематике, является изучение коллективной памяти, выступающей в интеллектуальной традиции М. Хальбвакса маркером социальной дифференциации (Хальбвакс, 2005). Как отмечает Дж. Олик, идея коллективной памяти наиболее широко используется при изучении идентичности для описания представлений о прошлом и мнемонических практик, необходимых для солидаризации группы (Olick, 2007: 85–118). Опираясь на положения процессо-реляционной критики традиционного понимания коллективной памяти как «единого» и определенного явления, отражающего опыт прошлого, и рассматривая коллективную память как процесс интерпретации символически значимых эпизодов минувшего, протекающий под влиянием социально-политических условий, представляем возможным поместить в фокус исследовательского внимания не только отдельные элементы трансформирующихся исторических нарративов, но и факторы, определяющие их изменяющиеся функциональные роли (Emirbayer, 1997).

Коллективная память представляет собой постоянный процесс если не рефлексии, то восприятия (как первичного, так и повторного) отдельно взятых исторических событий в богатстве их причинно-следственных связей. Коллективное памятование имманентно присуще общности, однако единого направления развития этого процесса не существует. Различным образом развивается процесс памятования жертвы и свидетеля, победителей и побежденных. Б. Гизен пишет о «травме преступника», вызванной стремительной деконструкцией положения общности о себе (Gisen, 2014). А. Ассман, исследуя «миф Лангемарка», описывает механизмы функционирования памяти «побежденных», предусматривающие трансформацию позора в героическое величие (Ассман, 2014: 68)), непосредственного носителя травматического переживания и его окружения. Дж. Александер отмечает взаимосвязь между группой – носителем травмы и сообществом, в которое эта группа включена (Дж. Александер, 2012: 23). Под влиянием как психологических, так и культурно-социальных факторов и протекает процесс памятования, выводящий отдельные события то в центр, то на периферию коллективного внимания. Во втором случае, как отмечает А. Ассман, забвение (смещение события на периферию коллективного внимания) является «не просто неизбежным явлением, как бы сопутствующим естественному ходу вещей, росту, самообновлению; забвение представляет собой целенаправленную стратегию развития культуры» (Ассман, 2014: 51). В этом ключе, с опорой на понимание забвения как целенаправленной стратегии культуры, и выстроено данное исследование.

Целью исследования выступает определение социально-онтологических и ценностных оснований движения коллективной памяти в русле развенчания символически значимых образов прошлого, выявление механизмов развертывания культуры отмены применительно к образам прошлого, практикам публичной коммеморации и моделям исторической идентичности, а также оценка последствий отмены для цивилизационных сообществ как субъектов коллективной памяти и коллективного забвения на примере обращения с памятью об СССР после демонтажа советской государственности в период с 1991 по 2000 г.

В рамках исследования рассматриваются особенности концептуализации понятия «культура отмены» и возможность экстраполяции данного явления из категории практик остракизма по отношению к отдельно взятому человеку или группе лиц в категорию механизмов исторической памяти. Методологическую основу исследования сформировали структурно-функциональный и рестроспективно-исторический подходы, а также кейс-метод. Использование структурно-функционального подхода позволило выделить практики и технологии работы с исторической памятью о советском прошлом, с помощью которых политическими акторами утверждались определенные интерпретации исторических событий. Применение кейс-метода позволило получить системное представление об особенностях политики исторической памяти в период 1990-х гг. Рестроспективно-исторический подход использован для означения социально-онтологических и ценностных оснований, предопределивших особенности использования практик отмены в рассматриваемый период.

Теоретико-методологические основания исследования «культуры отмены»

В поисках факторов, опосредующих (или препятствующих?) течение процесса памятования как осмыслиения и переосмыслиения прошлого, исследователь, особенно российский, неизбежно сталкивается с понятием «культура отмены» как некой парадигмальной конструкцией, вносящей коррективы в процесс мемориального рефлексирования. В то время как взаимосвязь категорий «память» (вне зависимости от того, интерпретируется ли последняя как процесс или константа, воплощенная в обязательных для изучения текстах и коллективно значимых символах) и «идентичность» не вызывает сомнений, постулирование культуры отмены как модели трансформации идентичности, тем более «идентичности исторической», требует более детального рассмотрения и обращения к теоретико-методологическим основаниям исследования культуры отмены.

«Культура отмены» концептуализируется рядом западных ученых как общественное явление, основанное на актуализации морально-этических аспектов жизни гражданского общества (Clarck, 2020). Работая с категорией «культура отмены», многие современные исследователи, как отечественные, так и зарубежные, подчеркивают ее политизированность и инструментальный характер. Так, С. В. Чугров рассматривает культуру отмены как орудие политического контроля, отмечая экстраполяцию проблемы канцелинга из сферы частного в сферу взаимоотношений коллективных субъектов, что «воспринимается обществом как эзистенциальная угроза безопасности нации» (Чугров, 2022: 90). Весьма примечательна прослеженная С. В. Чугровым взаимосвязь между феноменом культуры

отмены и концепцией культурного универсализма «открытого общества» К. Поппера, построенной на необходимости получения в результате принципа фальсификационизма единой трактовки, с опорой на критерий рационального согласия и отрицание дуализма. В результате «переноса подходов логического позитивизма с философии науки на социально-политическую реальность» и были созданы предпосылки для возникновения феномена «культура отмены» (Чугров, 2022: 94).

Ряд отечественных исследователей и практиков рассматривают культуру отмены как «инструмент глобального управления» и новый вид цензурирования. В. И. Якунин характеризует функциональную нагрузку культуры отмены (репрессинга) как идеологическое прикрытие процессов дегуманизации. Объектом отмены в данном случае становится непосредственно культура как совокупность духовного наследия (Якунин, 2023: 9). Схожую позицию занимает и В. Э. Багдасарян, интерпретируя культуру отмены как «новый тоталитаризм» (Багдасарян, 2023: 11).

Если первоначально термин «культура отмены» был сопряжен с публичным порицанием отдельных акторов, то на сегодняшний день подобная концептуализация выглядит избыточным упрощением. Как отмечает В. Н. Сыров, в некотором смысле использование слова «отмена» начинает характеризовать не только формы бойкота, но и изменение оценки значимости (в первую очередь в общественном сознании) различных культурных объектов (Сыров, 2024: 7). Исследователи подчеркивают, что «культура отмены» может выступать удобным инструментом для переосмысления отдельных периодов истории. По замечанию В. В. Василика, отмене могут подлежать «целые пласти истории» (Василик, 2023: 17). Понятие культуры отмены становится связано с политикой памяти, когда государство ставит своей задачей формирование новой идентичности и своего имиджа путем вытеснения традиционных исторических образов на периферию коллективного внимания и создания новой трактовки истории. При этом события прошлого зачастую прорабатываются в контексте «ретроактивной справедливости»: действия, совершенные в прошлом, интерпретируются с точки зрения обновленных и зачастую скороспелых норм нравственности и системы ценностей.

Некое значительное событие, выступавшее ранее поводом для коллективной гордости, может интерпретироваться в негативном ключе, что ведет к конфликту между ценностями настоящего и фактами прошлого, интерпретированными как несоответствующие базовым основам культуры. Спровоцировать подобное может обнародование подлинных либо сфальсифицированных доказательств, выставляющих события или личности в совершенно ином свете. В этом смысле покушение на «укоренившиеся в ментальности народа образы», как отмечает С. В. Чугров, можно трактовать как стремление уничтожить идентичность нации (Чугров, 2022: 91).

П. Норрис замечает, что «культура отмены» буквально маргинализирует противоположные точки зрения (Norris, 2023). О схожем механизме борьбы с альтернативой пишет и В. Э. Багдасарян, описывая такие методы дискредитации стороны альтернативы, как замалчивание и отмена – исключение противоположной точки зрения из информационного пространства (Багдасарян, 2023: 12). Д. А. Аникин и Р. Ю. Батищев делают вывод, что «культуру отмены можно рассматривать в качестве одной из форм исторического забвения как “инструмента реализации коллективных интересов и представлений посредством формирования или конфигурирования образов прошлого”» (Аникин, Батищев, 2023). Ученые выделяют набор характеристик культуры отмены: публичная манифестация требования об изменении отношения к прошлому, наличие моральных оценок, антиисторизм, презентизм. Необходимо отметить, что ряд исследователей рассматривают государственных деятелей в качестве акторов культуры отмены. В том числе и сами Д. А. Аникин и Р. Ю. Батищев, изучая мемориальные практики в отношении афганской кампании, отмечают, что «при общем дистанцировании государства <...> импульс для реализации практик культуры отмены проистекал именно со стороны государственного актора» (Аникин, Батищев, 2023). В. Н. Сыров указывает, что государство может прямо или косвенно <...> выступить инициатором актуализации дискурса и практик отмены (Сыров, 2024: 17). В исследованиях специфики использования культуры отмены в России отмечается, что механизм отмены инициируется, как правило, элитами с целью защитить свои интересы. Очень важно, как заключают Л. Р. Рустамова и А. К. Адрианов, что первичный взгляд на рассматриваемые события может дать ложную видимость общественной инициативы по «отмене» человека или организации, на самом же деле именно структуры, обладающие властным ресурсом, выступают силой, инициирующей распространение негативного отношения общества к отменяемым объектам (Рустамова, Адрианов, 2023: 42).

«Отмена» как инструмент формирования нарратива «новой России»

Как уже отмечалось ранее, «культура отмены» может выступать инструментом переосмысливания отдельных периодов истории. В начале 1990-х гг. новая политическая элита столкнулась с необходимостью упрочения властных позиций как внутри страны, так и на международной арене, что требовало радикальных и последовательных действий во всех областях государственной политики. Процессы выстраивания политического имиджа тесно сопряжены с проблематикой идентичности. Рассматривая идентичность как процесс формирования внутри сообщества устойчивой взаимосвязи на основе массово разделяемых ценностей и общих моделей оценки прошлого, настоящего и образов желаемого будущего, нельзя отрицать, что реструктуризация коллективной идентичности в значительной степени реализуется в плоскости политики исторической памяти как «сфера публичных стратегий в отношении прошлого, т. е. концептуализации, практик коммеморации и преподавания истории» (Миллер, 2013: 114). Возникла потребность в официальном историческом нарративе, «смысловой схеме, которая описывает генеалогию макрополитического сообщества, стоящего за Российской государством, и объясняет, каким образом его прошлое определяет настоящее и будущее» (Малинова, 2019: 105), тем самым легитимируя позиции новой власти. В первые годы государственного строительства новая Россия представлялась по контрасту со старой Россией. Формирование нового нарратива происходило с использованием механизмов отмены как формы изменения оценок социально-политических событий прошлого, смещением фокуса общественного внимания с достижений советского периода на спорные и трагичные страницы истории (так, в электоральной кампании Б. Н. Ельцина 1996 г. активно использовалась тема революции как «октябрьской катастрофы») и вытеснения из информационного поля положительных образов советского прошлого, то есть с использованием забвения как направленной культурной стратегии. А. П. Мякшев пишет об использовании культуры отмены (в понимании «культуры ответственности») позднесоветской элитой: «Потенциальной жертве принялись объяснять, что идея “социальной справедливости” – химера <...>, а вот построить общество потребления по-советски, т. е. общество изобилия, где всем по потребностям, можно путем отказа от “надоеvшей” советской системы» (Мякшев, 2023: 19).

Исследуя политику памяти 1990-х гг., А. И. Миллер выделяет три ключевых вектора: «покаяние», «осуждение» коммунистического прошлого и создание нового «мифа основания» (Миллер, 2021: 13-15). Первое направление разворачивалось преимущественно в сфере внешней политики, продолжая начатую еще в период нахождения у власти М. С. Горбачёва политику признания секретных протоколов к пакту Молотова – Риббентропа. Руководством Российской Федерации также осуждались трагические события в Катыни и Прибалтике, а также содержание в советских лагерях японских военнопленных. Данная политика была обусловлена необходимостью формирования нового имиджа российского государства на международной арене в контексте радикальных изменений контура внешнеполитических связей. Сопряжено это было и с тем, что в условиях глобализации реконструкция национальной памяти утрачивала направленность исключительно на собственную нацию (Ассман, 2016: 190). По замечанию Р. Козеллека, право на собственную память, которым обладает социальная общность, будет иметь значение лишь в случае признания другими общностями и устойчивой взаимосвязи с их картинами прошлого (Koselleck, 1995). Таким образом, российскими лидерами перенимались не только западные модели экономической жизни, но каноны памятования, характерные для западного общества.

Демонтаж советской системы представлялся в публичной риторике как «провал советского эксперимента», а период советской государственности интерпретировался, с учетом «идеализации Запада», не как итог всемирной истории, а как «отклонение от магистрального пути». Обоснование реформ было построено на дискредитации советских практик государственного управления и общественной жизни. Как отмечает Н. П. Копосов, «ядром новых исторических представлений» выступило энергичное, хотя и не вполне последовательное отрицание исторического опыта (Копосов, 2011: 120). Строительство государственности на основе нового мифа основания имело фрагментированный характер. Представляется возможным выделить несколько направлений деятельности государства.

1. Реабилитация жертв политических репрессий как инструмент политического воздействия. Особенностью процесса реабилитации 1990-х гг. стала его нацеленность на экстраполяцию категории вины с фигур отдельно взятых исторических деятелей (нарратив сталинских репрессий) на советский (коммунистический) режим в целом. Принципиально новым началом в понимании травматических событий советского прошлого в 1990-е гг. стало законодательное признание факта политических репрессий не только в сталинское, но и досталинское и послесталинское время и изме-

нение типа ответственности за травму с персонифицированной («фигура палача») на коллективную. В то время как постановления Политбюро и Указ Президиума ВС СССР очерчивали временные рамки репрессий сложной формулировкой «репрессии 30–40-х и начала 50-х гг.», а в тексте Декларации ВС ССР от 14 ноября 1989 г. «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» использовались формулировки, возлагавшие ответственность на конкретную историческую фигуру («трагические годы сталинских репрессий», «варварские акции сталинского режима»), Указ Президента СССР от 13 августа 1990 г. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х гг.» фактически сдвинул хронологическую границу признания репрессий еще на одно десятилетие, затрагивая эпоху ленинского руководства государством. Особое внимание в Указе уделено мотивам репрессий: «политическим, социальным, национальным, религиозным». Указ обращен и к мировому сообществу (репрессии признаются несовместимыми с «нормами цивилизации»), в нем фиксируются многочисленные нарушения норм права. Закон «О реабилитации репрессированных народов» 1991 г. вновь расширил хронологические рамки репрессий: в соответствии с ним жертвами политических репрессий признавались лица, «подвергнутые таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 г.», то есть с первого дня установления советской власти, «в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида».

2. Формирование негативного имиджа оппонента – коммунистической партии.

В 1991 году Указом Президента Б. Н. Ельцина была запрещена деятельность КПСС, политического актора, ставшего основой советской политической системы и существенно превысившего свои законные полномочия. Партии вменялось в вину использование репрессий как инструмента удержания власти и совершение преступлений против граждан.

3. Символическая политика: отстранение от практик коммунистического периода.

С. В. Мошкин, исследуя обновление календаря государственных праздников, описывает стратегию забвения годовщины Октябрьской революции как «путь постепенного игнорирования»: отмена официального выходного дня, изменение символической нагрузки даты – с 1996 г. 7 ноября отмечался День согласия и примирения (вплоть до 2004 г.) (Мошкин, 2020: 118). Также была изменена государственная символика: флаг, герб и гимн. Запущен процесс переименования городов и улиц. В 1991 г. было прекращено функционирование пионерской и комсомольской организаций.

Говоря о публичной манифестации требований об изменении отношения к прошлому (Аникин, Батищев, 2023), необходимо отметить появление негосударственных акторов политики памяти: профессиональных историков, отказавшихся от «формационного подхода к истории», а также представителей «контрпамяти» среди отдельных социальных, этнических, религиозных групп, пострадавших от политических репрессий в советский период (например, казачество). Таким образом, как в отношении международной политики, так и в отношении политики внутренней речь шла о реконцептуализации исторического пути России, причем в случае международной политики это было обусловлено в первую очередь потребностью в выстраивании новой системы дипломатических отношений.

Рассмотрим последовательно эффективность приведенных выше механизмов отмены.

1. Не отрицая безусловную значимость реабилитации жертв политических репрессий в правовом поле, нельзя не отметить, что этот процесс имел преимущественно декларативный характер. Применяя методологию trauma studies, представляем возможным подчеркнуть следующую особенность канселинга, переводящую его из категории «инструментов обеспечения равенства» в категорию механизмов, усугубляющих общественный дисбаланс. Даже если процедура отмены инициирована как реакция на действительно травматические события, нарушившие актуальные правовые и этические основы сообщества, она едва ли способствует преодолению травмы (индивидуальной и коллективной). Собственно явление отмены делает жертву травматического события (действия или высказывания) своего рода фигурой умолчания: фокус внимания практически полностью смещается на «виновного». Формат отмены блокирует аналитический импульс, не позволяя в полной мере выстроить нарратив, необходимый для преодоления нерепрезентируемости травматического опыта (Самсонова, 2023: 6472).

2. Хотя судебный процесс с участием КПСС и получил широкий общественный резонанс, он не привел к дискредитации советского режима. Незаконным было признано слияние партии и государства, а также получение партией государственного имущества, но в итоге на политической арене появилась партия КПРФ, выступившая фактически идеологической преемницей советской компартии и сплотившая вокруг себя сторонников советской модели государственности.

3. Символическая политика, построенная на дистанцировании от советских культурных практик, не была в полной мере успешной по ряду причин. Во-первых, демонтаж советской системы оказался своего рода травматическим событием для широких слоев населения (в соответствии с теорией П. Штомпки, «травма – это коллективный феномен, состояние, переживаемое группой, общностью, обществом в результате разрушительных событий, интерпретируемых как культурно травматические» (Штопка, 2001: 10)). В основе коллективной исторической травмы лежит вынужденное изменение коллективной идентичности и потребность в переработке коллективной памяти с последующим формированием устойчивой посттравматической презентации. Избранная новым руководством страны стратегия «игнорирования» советского прошлого не способствовала преодолению возникшего кризиса идентичности. Распад СССР, как резкое и глубинное социальное изменение, повлек за собой утрату чувства принадлежности людей к единой общности. Новое же руководство, сфокусировавшись преимущественно на дискредитации политических оппонентов, не смогло в первые годы своей деятельности предложить весомых альтернативных символических конструкций, способных объединить представителей разных социальных групп и поколений.

Во-вторых, экономические трудности периода радикальных рыночных реформ вызвали у значительного числа населения разочарование в идеальном образе либерального Запада. Описывая специфические черты либеральной политики 1990-х гг., Ж. Т. Тощенко обратил внимание на роль в создании общества травмы (Тощенко, 2020). Одной из важнейших характеристик российского «общества травмы» является потеря большинством населения стабильности личной и общественной жизни, неустойчивость социально-экономического положения, неуверенность в гарантиях будущего. В подобных условиях возникновение ресентимента советского толка было естественно.

В-третьих, политика отмены, построенная на трансляции западных ценностей в пику привычным, имела недостаточно культурно-символического резонанса с аудиторией. Не был сформирован и визуальный режим для трансляции новых ценностей. Память же общества, как писал М. Хальбвакс, «исчезает медленно, на пограничных краях» (Хальбвакс, 2005), что обусловило сохранение в общественном сознании узнаваемых образов советского прошлого. Результаты выборов 1996 г. обозначили симпатию значительной части электората к кандидату от коммунистической партии. Это заставило политическую элиту пересмотреть стратегию обращения с советским прошлым. В начале 2000-х гг. освойной российской исторической политики стала идея преемственности, положившая начало реабилитации памяти о советском государстве.

Заключение

Анализируя последствия практик отмены 1990-х гг., следует отметить, что подобные практики лишь усугубили кризис идентичности, последовавший за демонтажем советской государственности. Для характеристики общественных последствий представляется возможным использовать предложенные Д. Ла Капрой травматические категории *absence* («структурное отсутствие») и *loss* («исторические утраты») (La Capra, 1999). Утрата исторична, сопряжена с конкретными общественными институтами и объектами, отсутствие преимущественно антиисторично, имеет абстрактный характер, строится на обращении к утраченным идеалам. Такой конструкт особенно опасен в вопросах политической пропаганды: людей с неясной природой тревоги легко убедить, что они тревожатся именно после утраты того, что на самом деле никогда не имели, и склонить к дестабилизирующему обществу действиям. Используя практики отмены как целенаправленную стратегию воздействия на общественное сознание, не прорабатывая в публичном пространстве травматические последствия распада СССР, новая власть закладывала фундамент нестабильности.

Функциональной нагрузкой мифа основания, «упрощенного, эмоционально нагруженного нарратива, воспринимаемого как нечто самоочевидное» (Малинова, 2010: 104), является популяризация необходимой интерпретации прошлого среди широких слоев населения. Отмена советского прошлого лишила новую власть мифа основания, построенного на идеи поступательного развития, братства трудящихся народов, вере в победу мирового социализма. Попытки использовать в качестве мифа основания идеи культурных достижений и либеральной демократии не увенчались успехом, так как их символический язык не был близок населению.

Практики работы с исторической памятью о советском прошлом в 1990-е гг. сводились преимущественно к использованию стратегий умолчания и дискредитации. Использование забвения как направленной культурной стратегии усугубило эрозию коллективной идентичности, создав риски дезадаптации социального субъекта. Полноценная проработка советского прошлого, в том числе его

травматических страниц, способная привести к формированию устойчивых альтернативах нарративов, не была реализована, оставив открытой возможность подмены подлинных страниц истории эрзац-репрезентациями. Социально-онтологическими основаниями использования практик отмены выступили политico-идеологические сдвиги, затронувшие в том числе и поле исторической памяти, как основания для выстраивания нового мифа идентичности. Инициатором отмены выступила новая политическая элита, использующая стратегию вытеснения альтернативы из поля общественного внимания. Необходимо отметить, что использование практик отмены требует каналов медиации и структурированного объяснения причин. Ревизия же исторической памяти в условиях радикальных политico-экономических трансформаций не увенчалась успехом. С одной стороны, фокус общественного внимания в большей степени был направлен на преодоление возникшего экономического кризиса, а не на переосмысление событий отдаленного прошлого. С другой стороны, общество буквально не успевало адаптироваться новой морали, что делало невозможным установление «ретроспективной справедливости».

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 23-18-0046 «Культура отмены» как модель трансформации исторической идентичности: социально-философские основания и стратегии концептуализации в условиях цивилизационного трансфера».

Список литературы / References

- Александер, Дж. (2012) ‘Культурная травма и коллективная идентичность’, *Социологический журнал*, 3, сс. 5–40. [Alexander, J. (2012) ‘Cultural Trauma and Collective Memory’ [Kul’turnaja travma i kollektivnaja identichnost’], *Sociologicheskiy zhurnal*, 3, pp. 5–40. (In Russ.)].
- Аникин, Д. А., Батищев, Р. Ю. (2024) ‘Мы вас туда не посылали’: медиарепрезентации войны в Афганистане и практики культуры отмены в постсоветской России’, *Galactica Media: Journal of Media Studies*, сс. 172–187. [Anikin, D. A., Batishchev, R. Yu. (2024) ““We Did Not Send You There”: Media Representations of the War in Afghanistan and the Emergence and Practice of Cancel Culture in Post-Soviet Russia” [My vas tuda ne posylali]: mediare-prezentatsii voiny v Afganistane i praktiki kul’tury otmeny v postso-vetskoi Rossii], *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1, pp. 172–187. (In Russ.)].
- Ассман, А. (2014) *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. Москва.: Новое литературное обозрение. [Assman, A. (2014) *The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics* [Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika]. Moscow: Novoye Literaturnoe Obozrenie. (In Russ.)].
- Багдасарян, В. Э., Василик, В. В., Иерусалимский, Ю. Ю., Лантратова, Я. В., Мякшев, А. П., Хазанов, А. М., Якунин, В. И. (2023) ‘«Культура отмены»: феномен цивилизационного ostrakizma. Материалы экспертного круглого стола’, *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*, 4, сс. 7–35. [Bagdasaryan, V. H., Vasilik, V. V., Ierusalimsky, Yu. Yu, Lantratova, Ya. V., Myakshev A. P., Khazanov, A. P., Yakunin V. I. (2023) ‘Cancel Culture: the Phenomenon of Civilizational Ostracism. Expert Round Table Materials’ [“Kul’tura otmeni”]: fenomen tsivilizatsionnogo ostrakizma. Materialy ekspertnogo kruglogo stola], *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istorija i politicheskiye nauki*, 4, pp. 7–35. (In Russ.)].
- Копосов, Н. П. (2011) *Память строгого режима. История и политика России*. Москва: Новое литературное обозрение. [Koposov, N. P. (2011) *High mode memory. History and politics of Russia* [Pamyat strogogo rezhima. Istorija i politika Rossii] Moscow: Novoye Literaturnoe Obozrenie (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю (2019) ‘Кто и как формирует официальный исторических нарратив? Анализ российских практик’, *Полития*, 3(95), сс. 103–126. [Malinova, O. Yu. (2019) ‘Who Forms Official Historical Narrative and How? (Analysis of Russian Practices)’ [‘Kto i kak formiruyet ofitsial'nyy istoricheskikh narrativ? Analiz rossiyskikh praktik], *Politija*, 3(95), pp. 103–126. (In Russ.)]. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126 EDN: GIXZGM

- Мошкин, С. В. (2020) Политика забвения, или что происходит с «красным днём календаря», *Дискурс-Пи*, 2 (39), сс. 112–127. [Moshkin, S. V. (2020) ‘Cruising Toward Oblivion: Or What is Happening to the “Red-Letter Day” [Politika zabveniya, ili chto proiskhodit s «krasnym dnyom kalendarja?»], *Discourse-P*, 2 (39), pp. 112–127. (In Russ.)].
- Миллер, А. И. (2013) ‘Роль экспертных сообществ в политике памяти в России’, *Полития*, 4 (71), сс. 114–126. [Miller, A. I. (2013) ‘The Role of Expert Communities in the Memory Politics in Russia’ [Rol' ekspertnykh soobshchestv v politike pamyati v Rossii'], *Politia*, 4 (71), pp. 114–126. (In Russ.)].
- Миллер, А. И. (2021) Политика памяти в России 1990-х, *Tempus et Memoria*, 3, сс. 13–18. [Miller, A. I. (2021) Politics of Memory in Russia in 1990s. [Politika pamyati v Rossii 1990], *Tempus et Memoria*, 3, pp. 114–126. (In Russ.)].
- Рустамова, Л. Р., Адрианов, А. К. (2023) ‘«Культура отмены»: концептуализация понятия и его использование во внешней политике’, *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 37–53. [Rustamova, L. R., Adrianov, A. K. (2023) ‘Cancel Culture: Conceptualization of the Term and Its Use in Foreign Policy’ [«Kul'tura otmeny»: kontseptualizatsiya ponyatiya i yego ispol'zovaniye vo vneshej politike], *Polis: Politicheskie issledovaniya*, 4, pp. 37–53. (In Russ.)].
- Самсонова, Н. Н. (2023) ‘Феномен культуры отмены сквозь призму концепта «историческая травма»’, *Вопросы политологии*, 23(100), 1, сс. 6468–6576. [Samsonova, N. N. (2023) ‘The Phenomenon of Cancel Culture Through the Prism of the Concept of “Historical Trauma”’ [«Kul'tura otmeny»: k voprosu o kriteriyakh opredeleniya i pravomernosti primecheniya], *Voprosy Politologii*, 23(100), 1, pp. 6468–6576. (In Russ.). DOI: 10.35775/PSI.2023.100.12.004 EDN: EJXBZR
- Сыров, В. Н. (2024) ‘«Культура отмены»: к вопросу о критериях определения и правомерности применения’, *Антиномии*, 24(3), сс. 7–22. [Syrov, V. N. (2024) ‘Cancel Culture: On the Criteria for Definition and the Legitimacy of Its Application’ [Kultura otmeny]: k voprosu o kriteriyakh opredeleniya i pravomernosti pri-
- meneniya’], *Antinomii*, 24(3), pp. 7–22. (In Russ.)].
- Тощенко, Ж. Т. (2020) *Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)*. Москва: Весь мир. [Toshchenko, Zh. T. (2020) Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (experience of theoretical and empirical analysis) [Obshchestvo travmy: mezhdu evolyutsiyey i revolyutsiyey (opyt teoretycheskogo i empiricheskogo analiza)] Moscow: Ves mir. (In Russ.)]. ISBN: 978-5-7777-0801-4 EDN: QLXXDD
- Хальбвакс, М. (2005) ‘Коллективная и историческая память’, *Неприосновенный запас*, 2. [Halbwachs, M (2005) ‘Collective and Historical Memory’ [Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'], *Neprikosnovenny zapas*, 2. (In Russ.)].
- Чугров, С. В. (2022) ‘Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни’, *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 88–98. [Chugrov, S.V. (2022) Cancel Culture in World Politics; Historical and Philosophical Roots’ [Kultura otmeny v mirovoy politike: istoriko-filosofskiye korni], *Polis: Politicheskie issledovaniya*, 5, pp. 88–98. (In Russ.)].
- Штомпка, П. (2001) Социальное изменение как травма, *Социологические исследования*, 1, сс. 6–16. [Sztompka, P. (2001). Social Change as Trauma [Sotsialnoye izmeneniye kak travma], *Polis: Politicheskie issledovaniya*, 1, pp. 6–16. (In Russ.)].
- Clarck, M. D. (2020) Drag Them: A brief etymology of so-called “cancel culture”, *Communication and the Public*, 3-4, pp. 1–5.
- Emirbayer, M. (1997) ‘Manifesto for a relational sociology’, *American Journal of Sociology*, 2, pp. 281–317.
- Giesen, B. (2004) *Triumph and Trauma*. London: Paradigm publishers.
- Kosseleck, R. (1995) *Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeite*. Frankfurt a. M.: Schurkamp.
- LaCapra, D. (1999) ‘Trauma, Absence, Loss’, *Critical Inquiry*, 4, pp. 696–727. DOI: 10.1086/448943
- Norris, P. (2023) ‘Cancel Culture: Myth or Reality?’, *Political Studies*, 71, pp. 145–174. DOI: 10.1177/00323217211037023 EDN: QHFRSM
- Olick, J. K. (2007) *The politics of regret: on collective memory and historical responsibility*. New York: Routledge.

Статья поступила в редакцию: 12.11.2024

Статья принята к печати: 15.01.2025

THE CANCEL CULTURE AS A MODEL OF TRANSFORMATION OF HISTORICAL IDENTITY ON THE EXAMPLE OF THE TREATMENT OF THE MEMORY OF THE SOVIET PAST IN THE 1990s

N. Samsonova

Nataliya Samsonova, Candidate of Political Sciences, Junior Researcher at the Laboratory of Transdisciplinary Studies of Cognition, Language and Social Practices, Faculty of Philosophy, Tomsk State University; Assistant of the Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University, Russia
E-mail: natalie.samsonova@gmail.com (ORCID 0000-0002-2716-8490).

Abstract

The article examines how "cancel culture" changes historical identity, exploring how "cancellation" affects civilizational communities' collective memory and oblivion on the example of the treatment of the memory of the USSR after the dismantling of Soviet statehood in the period from 1991 to 2000. The politicized and instrumental nature of canceling is noted. The new elite initiated canceling using the strategy of ousting alternatives from public attention. It is established that the socio-ontological grounds for cancellation practices were political and ideological shifts that affected the field of historical memory as a basis for building a new identity myth. The practices of dealing with the historical memory of the USSR were reduced to abolition and discrediting. Canceling includes instrumentalization of the rehabilitation process of victims of political repression, aimed at extrapolating the category of guilt from historical actors to the Soviet regime, formation of a negative image of the opponent, and symbolic politics. A full-fledged review of the Soviet past, including traumatic events, which could lead to the formation of alternative narratives, was not offered, leaving the possibility of replacing authentic historical events with false representations. Oblivion as a cultural strategy has exacerbated the erosion of collective identity, creating risks of maladaptation of the social subject.

Keywords: cancel culture; collective memory; historical identity; trauma society.

Financial support: The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00465.